

Ловко чередуя кофеин с валерьянкой, дожили до сорока. Уже можно всё в любое время, но нет еще времени ни на что. Друзья уже переженились, дети уже переболели, родители еще живы, хотя уже не все. Старший внук у друзей ровесник младшего сына, брат скоро выйдет на пенсию, сестра недавно вышла замуж. Прекрасный возраст.

Наш девиз — «Скажи наркотикам да!». С утра проснулся, быстро кофе, сердце забило, срочно валокордин, пришел на работу, там кока-колы, поругались с сотрудником, накапал успокоительного, помирились, выпили пива. Под мясо — красное, под рыбу — белое, под телевизор — игристое, под телефон — недопитое, под утро — оставшееся после маринада. В четыре утра снотворное, в восемь кофе. С тем же успехом можно наоборот. На работе потом все равно сидишь смурной, хмельной, больной и бесконечно одинокий.

Бесконечное одиночество — вечный двигатель внутреннего горения. Расскажешь про него жене, потом друзьям, родителям, приятелям, потом напишешь чего-нибудь в Интернет. После ста комментариев бесконечное одиночество затихает, зато обостряется общительность до четырех утра. В четыре снотворное, в восемь кофе. Все в сборе, можно начинать.

Все непрерывно в сборе, слава богу. И у всех, слава богу, чего-то болит. У дочери — живот, у мамы — сердце, у жены — голова, у мужа — душа, у сына — ни совести, ни стыда, слава богу. Слава богу, все живы, значит.

В двадцать жизнь кажется сложной, в тридцать видишь — она проще, чем думалось в двадцать, в сорок доходит — всё сложнее, чем виделось в тридцать, в пятьдесят понимаешь,

чего там не понял в сорок, в шестьдесят опять чего-то не понимаешь, «да есть ли конец у этой лернейской гидры?», как написала в школьном сочинении одна способная ученица. Ученики еще даже не в курсе, сколько им всего неизвестно. А мы уже точно знаем, что конца у лернейской гидры нет. Как минимум, потому, что гидра — девочка.

Мы рубим ей головы, они отрастают снова, мы рубим дальше, голов становится больше, процесс с каждым годом все интересней, наши мышцы крепчают, ее шеи тоже. Гидра подмигивает нам, мы подмигиваем гидре, мы с ней непременно подружимся к ста сорока годам.

Накапал четыреста капель валерьянки, смешал с кокаколой, вылил в кофе, добавил валокордину и выпил стоя: за бесконечность лернейской гидры.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЯНТАРЬ

Эстер, красный цвет

Протирала стол, сломала палец. Не сломала, порезала сильно — махнула резко вдоль края стола. Когда-нибудь я себе так шею сломаю, на нервной почве. В газетах напишут: «разбилась насмерть, упав с дивана». Зато не поеду под бомбежку, учить солдат мирной жизни. Зачем солдатам мирная жизнь... А мне зачем, с моими членовредительскими замашками?

Промыла палец, наклеила пластырь. Болит, зараза. Хорошо, хоть чемодан заранее собрала.

Здравствуй, папа!

Это сколько же мы не разговаривали? Ты ушел в девяносто втором, Эйтан ушел с тобой, мама сменила телефон и два дверных замка, и все напрасно, потому что вы ни разу нас не искали. Впрочем, и я тебя не искала.

Не ищу и сейчас, у меня нет твоего адреса, и это письмо никто не собирается отправлять. Но так получилось, что я еду на войну. Смешно.

Меня позвали на семинар в Сдерот — готовить боевых солдат к демобилизации. Отправили ценного специалиста на важный участок фронта. Солдаты во время семинара живут в молодежной деревне, и преподаватель тоже там живет. За год на тот район (я вот проверила сейчас) падает около полутора тысяч «кассамов»*. Раздели на триста шестьдесят пять

---

* Кассам — твердотопливный неуправляемый реактивный снаряд «земля — земля» кустарного изготовления. Используется для обстрелов Израиля с территории сектора Газа.

и узнаешь, сколько это в день. Впрочем, «падает» не значит «попадает». До сих пор в Сдероте убито шесть человек, а ранено около трехсот. За четыре года! В автокатастрофах и то больше гибнет.

У нас на работе все отказались ехать: «семьи, дети, времени нет». А у меня ни семьи, ни детей. Как-то стыдно признаться, что мне тоже хочется жить.

Еду на десять дней. Значит, на мою голову свалится около сорока «кассамов». Надеюсь, не все попадут.

Мама, я знаю, ты это читаешь (ты все читаешь). Если я не вернулась, найди способ отправить это папе, заодно узнаешь, жив ли он вообще. А если я вернулась, немедленно прекрати читать!

Эстер, герой

В первый раз сирена застала меня в машине. Шоссе пустое, в макушку солнце, и вдруг раздается голос:

— Красный цвет... красный цвет... красный цвет...

Хорошо, я в новости заглянула, иначе решила бы, небо заговорило. А на самом деле к нам летит «кассам».

Мне заранее выдали брошюру Минобороны: нужно остановиться, выйти и лечь под ближайшую стену. Нет стены — залезай под машину. Но не сиди в ней, она же готовый гроб, если что.

Остановиться я смогла, а выйти — нет. Сидела в машине, сжимала руль, смотрела перед собой. Лучше готовый гроб, чем на асфальт под «кассамы». Не знаю, чем они думали, когда писали свою брошюру.

Ничего не случилось, даже взрыва не донеслось. То есть взрыв-то, наверное, был, но вдали. Примерно там, куда я направлялась. Я сосчитала до двадцати, как велели в брошюре, и поехала дальше, одна на пустой дороге. Кому сюда надо.

Доехала скучно, без происшествий. Возле деревни — красивый сосновый парк, я запарковалась и посидела в машине еще немного. Чего тут бояться? Тишина, пахнет соснами, птицы щебечут. Может, белки живут. Если от страха не передохли.

Вылезла, наконец. Пошла с чемоданом по длинной аллее, смотрела на солнце, дышала хвоей. На меня упала иголка, потом другая, а потом иглы посыпались прямо дождем. Где-то сверху мелькнул рыжий хвост. И послышался тоненький голос:

— Привет.

Я отряхнула блузку.

— Привет! А ты там кто?

В сосне повозились, пошебуршали, упала шишка.

— Я Йона. А ты?

— А я Эстер. Ты живешь на сосне?

Сосна затряслась, и оттуда прыгнула ярко-рыжая девочка лет восьми в рваной майке и джинсовых шортах.

— Смешная ты, Эстер! Разве человек может жить на сосне?

— Думаю, может, если это сосновый человек.

Девочка почесала веснушки на щеке.

— Да, я, наверное, сосновый человек. А еще я песочный человек, цветочный человек, бассейнный человек, костровый человек и колбасный человек. Потому что колбасу люблю. А еще я рыжая!

Она посмотрела на меня с вызовом. Я состроила удивленное лицо.

— Серьезно? Никогда бы не подумала.

Девочка с важностью кивнула.

— Точно. Теперь ты все обо мне знаешь. Папа говорит, когда познакомишься, нужно рассказывать о себе. Я все о себе рассказала, теперь ты!

Не люблю все рассказывать. Вообще не люблю рассказывать о себе. Наверное, я усталый человек.

— Я не рыжая, но тоже люблю колбасу. Приехала сюда преподавать. Проводишь меня в деревню?

Мы немножко поспорили, кто понесет чемодан (Йона хотела проверить, правда ли он тяжелый), в итоге я с чемоданом пошла по аллее, а Йона скакала вокруг.

— Тут сейчас солдаты живут! Русские! Много! Эстер, а коса у тебя настоящая? Ночами шумят! Папа им запретил! А они все равно!

— Настоящая. Бедный папа. Он здесь работает, да?

Йона на секунду остановилась.

— Папа не бедный, папа — главный! Он здесь командует всем! И все его слушаются. Ой, вон он идет!

Тут сосновый человек исчез со скоростью белки. Только сухие иглы прошуршали.

— Йона! Быстро домой! Опять гулять вместо школы? Я же тебе запретил!

Навстречу нам быстро шел немолодой рыжебородый мужчина. Поравнялся со мной и сказал:

— Шалом.

Одновременно с этим размеренно загудел женский голос:

— Красный цвет... красный цвет... красный цвет...

От страха я застыла на месте. Рыжебородый поставил руки рупором и протрубил так, что посыпались шишки:

— Йона! Азака!*

Рядом с ним мгновенно материализовалась послушная девочка, руки в карманах, в зубах травинка. Он толкнул нас обеих под прикрытие толстого дерева и загородил собой. Раздался отдаленный взрыв, у меня резко заболела голова. От мужчины пахло стиркой и немного потом. После второго взрыва сосна лениво качнула веткой.

— Ты что, никогда не стриглась? — Йона вывернулась из-под его руки и дотянулась до моих волос. — Папа, я тоже хочу такую косу! Это Эстер, она приехала преподавать!

Папа ловко втянул ее обратно.

— Добро пожаловать, Эстер! Меня зовут Натан, я заведующий хозяйством. Сейчас проводим тебя в администрацию. Только нужно сосчитать до двадцати, верно, Йона?

Та замаяла девять и десять, восемнадцать заменила на девятнадцать и энергично вырвалась.

— Двадцать, двадцать, отбой! Пора идти!

Хорошо быть бездумной белкой. Натан взял мой чемодан и пошел по аллее, перед ним вприпрыжку бежала Йона, а я тащилась сзади и думала, где достать лекарство от головы. А лучше яду.

---

* Азака — сирена (*ивр.*), сигнал воздушной тревоги.

Папа, я тут вспомнила — один раз мы все-таки повидались. Вышли по улице с Эйтаном, ты погладил меня по волосам и спросил, как дела с гимнастикой, а я ответила, что хорошо. За два месяца до того я сломала локоть и уже было ясно, что больше не смогу выступать. Ты сказал: «Умница, занимайся! И косу не отрезай, тебе не пойдет». Я кивнула, как кукла, Эйтан тебя потянул, и вы ушли.

Ты всегда говорил, что страх — признак глупости. Я была умницей, занималась, прыгала без страховки, подвижность локтя полностью не вернулась, из спорта пришлось уйти. Потом я еще танцевала. А год назад упала на ту же руку, перелом со смещением, осложнения, короче, сейчас я отличница в аспирантуре. Мама считает, это благодаря тому, что я осталась с ней. Ну, не знаю. Мне кажется, любой человек как-то устроен сам по себе. Я устроена как отличница, а Эйтан — как герой. Ты устроен как ты, а мама как мама, и дело между вами было совсем не в том, что ты за гроши работал кладовщиком, а она была всем недовольна. Она и после развода не стала довольной, а ты так и остался кладовщиком. Люди редко меняются, да?

Когда в первый раз была сирена, я думала, прямо на месте умру. Но не умерла, и вообще никто не умер, просто где-то рвануло, и все затихло. Смешно.

Здесь есть завхоз, Натан, у него ярко-рыжая борода. Из-за этого кажется, что он вот-вот рассмеется. Но Натан не смеется, он, наоборот, со всеми ругается. С солдатами спорит, дочку воспитывает, они не слушаются, он звереет, а мне его жалко. Наверное, из-за того, что рыжий. Его наверняка дразнили в школе. Мне кажется, он чем-то похож на тебя. Помнишь, ты рассказывал, как тебя в школе дразнили «помпон»? Хорошо, что ты потом похудел. Интересно, а Эйтан похудел? У меня перед армией был недoves (пушечное мясо в упаковке — меньше сорока килограммов в армию не берут), и я, когда ходила в военкомат, заранее сунула в лифчик пару камней. Жаль, что так мало проблем решается таким простым путем.

Эстер, философ

Сначала мне показалось, они дерутся. Здоровенные парни наскакивали друг на друга, размахивали руками, кричали, кто-то картинно падал. Но это была разминка, гимнастика

для самцов. Один снял форменную рубашку и делал мостик, демонстрируя мышцы, другой пытался ходить колесом. Худой «Голани»* спал на траве, раскинув руки.

— Пора, ребята. Девять утра.

У меня не очень громкий голос. Рядом со спящим валялась винтовка. Может, выстрелит в воздух?

— Эстер, ты умеешь делать мостик? — здесь же крутилась Йона.

Когда я напрягаюсь, у меня начинает побаливать локоть.

— Люди! Урок!

Йона меня поддержала:

— Люди! Мостик!

Тут над моей головой раздался зычный голос:

— Красный цвет! Красный цвет! Красный цвет! — к нам повернулось несколько голов. — Придурки, тихо! Учительница пришла!

Посреди лужайки стоял крупный чернокожий солдат и вопил с заметным русским акцентом.

— Санек, достал валяться! Костик, сопри у него винтовку. Руська, Игорь, ребята, хватит! Учительница ждет.

Солдаты тянулись, но очень неспешно. Чернокожий развернулся ко мне:

— Шалом, я Максим. Это вы научите нас выживать в гражданских джунглях?

— Попытаюсь. — Я натянута улыбнулась. Локоть занял сильней.

— И я хочу в джунгли, — вмешалась Йона.

А я хочу таблетку, всех убить и чтобы не было войны.

«Красный цвет, красный цвет, красный цвет», — сказала небо. Сердце мгновенно вскопало в горло.

— О, — сказала я. — Отлично. Какие правила безопасности, солдаты? При объявлении тревоги немедленно под крышу. А ну пошли.

Начинаешь работать, и сразу легче. В детстве так было: тренируешься, не получается, тут болит, там болит, нервы,

---

* Голани — мотопехотная бригада, одна из элитных частей израильской армии.

слезы, крики. А на ковер выходишь, и как не было ничего. Только тело, внимание и тишина. В конце еще и аплодисменты. Будто целую жизнь прожила.

Солдаты — сплошные герои. В стране по четыре года, год ульпана* и три в боевых частях. На лекции по экономике спорят, на рассказе о банковской системе возражают, про безопасность с ними лучше не говорить. Вчера ругались с Натаном — почему он им запрещает хватать винтовки во время тревоги.

— Я же снайпер, я лучший в роте! — кипятился сутулый Илья, некрасивый, но с каким-то носатым обаянием. — Я тебе того стрелка снесу быстрее, чем досюда «кассам» долетит!

— Прекрасно, — кивал Натан. — Снесешь. Через всю деревню. У меня как раз сто детей с Украины приехали на лечение. Сразу вылечим всех.

Натан мне признался, что лучшие снайперы роты — его главная головная боль. Насчет головной боли это он точно попал. Днем я ходила в аптеку, сказала, что приехала из Иерусалима преподавать. Флегматичный аптекарь порекомендовал психиатра. Кажется, психиатр нам тут всем бы не помешал.

Самый уравновешенный на курсе — тот чернокожий Максим. Он не опаздывает, не ленится, уроков не просыпает, еще и строит других. Командир подразделения, «Голани». Приехал, сказал, из Самары. Я стеснялась его расспрашивать, он сам на занятии рассказал.

— Дед всю войну прослужил в разведке, тоже снайпер, до старости белок стрелял. Один раз зимой, дед уже еле ходил, у них в поселке парни повадились свастики рисовать. На снегу. Ну как рисовать, — он усмехнулся, — этим самым, желтым. Дед один раз сказал при всех — ребята, кончайте. Другой раз сказал. А на третий дождался парней за домами, вынул «вальтер» и начал по ним стрелять. Один упал, другие сбежали. А дед ушел.

Такого я как-то не ожидала.

— Его посадили в тюрьму?

---

* Ульпан — студия (ивр.), учебное заведение для изучения иврита.

Максим качнул головой.

— Он не убил никого. Тот, который упал от страха, говорили, штаны намочил. Ночью к деду пришли вшестером, он на крыльцо, ему говорят — Максимыч, сука. А он отвечает — я коммунист, фашистов гонял и буду гонять. А вы предатели. Развернулся, сплюнул и хлопнул дверью. Эти дураки только потом сообразили, что он нарочно мимо стрелял.

Артем, сержант из разведки, сказал печально:

— Трудно быть африканцем...

Все заржали. Максим ответил спокойно:

— Нет, он как раз был еврей. А мама, дочка его, после школы в Самару уехала, на врача поступать. И с нею учились студенты из Конго, в том числе мой отец. — Он помолчал и добавил: — Только я так и не знаю, который из них.

Здорово. Я своего хотя бы знаю.

— Максим. Послушай. Когда будешь проходить интервью на работу, вот эта история с дедом...

Сверкнули белые зубы на черной коже.

— Эстер, не волнуйтесь. На интервью я скажу, что с детства люблю мацу.

Кто-то из задних рядов подсказал:

— И снег.

Знаешь, папа, эти русские думают, у нас тут Африка и мы не видели ни черта. Дураки. Тогда, в девяносто втором, снег в Иерусалиме шел неделю подряд. Ты позвал нас с Эйтаном гулять, мама боялась простуды и непустила, но вечером она прилегла отдохнуть, и мы сбежали. Ты сказал, что мама спит как боевой солдат: взрывом не разбудить.

Все дороги заледенели, автобусы встали, город белый, мы плелись по проезжей части. Мне в кроссовки набился снег, зубы стали стучать, и ты заставил меня отхлебнуть из армейской фляжки. Там была водка, жуткая гадость, но я согрелась. Вы с Эйтаном тоже хлебнули, ты упал в снег и показал нам, как делают «снежного ангела»* (очень мокро), потом мы втроем слепили бабу. Я слепила ей круглую грудь, а Эйтан приделал

---

* Снежный ангел — отпечаток на свежем снегу, который получается, если, лежа на спине, двигать руками и ногами из стороны в сторону.

торчащую письку. В другое время я бы страшно стеснялась, но на улицах не было никого. Уже стемнело, все нормальные люди давно разошлись, а мы пили по очереди из фляжки и орали «Народ Израиля жив».

А потом ты учил Эйтана писать на снегу. Так что я знаю тот способ, о каком говорил Максим. Вы писали «Эйтан» и «папа». Я завидовала так, что у меня пошла носом кровь, салфеток у нас с собой не было, и я этой красной кровью написала на белом «дураки». Мы так гоготали, что Эйтан описался, а нос мне пришлось вытирать рукавом.

Мама с ума сходила, куда мы делись. А мы явились — мокрые, с запахом водки, я в крови, Эйтан с описанными штанами и ты, по дороге допивший фляжку. Вы с ней орали так, что соседи стучали в стену. После этого ты и ушел. Развернулся, плюнул и хлопнул дверью.

Я вот сейчас подумала, куда ты делся тогда? Автобусы не ходили, дороги закрыты. Пошел по снегу пешком до базы, к себе на склад?

Мама заставила нас с Эйтаном стирать одежду в тазу. У меня вода стала бурой, а у него — желтой. Когда вы потом спросили, кто из нас с кем хочет жить, Эйтан сказал, что с тобой, и мама сказала «предатель». Тогда я сказала, что с ней.

Я учу солдат, что при написании резюме нужно писать правду и только правду. Просто не всю.

Не переживай по поводу той истории с мамой. Она же тоже переживала.

Эстер, пацифист

Мы с Йоной играли в змейки-лесенки и обсуждали моду на рваные джинсы. Мне такие не нравятся, а Йоне наоборот. Натан уехал до ночи по каким-то армейским делам и попросил за ней присмотреть.

— Если ночью будет тревога...

— Она испугается и заплачет?

— Если бы, — он вздохнул. — Рванет на улице. Любоваться.

При мне тревога ночью была только одна. Считается, это не очень опасно: спи спокойно, крыша прикроет. Но меня охватил дикий ужас: невозможно лежать и ждать, когда в тебя попадут.